

ОСАМУ ДАДЗАЙ

ЗАПИСКИ ОСЕННЕГО ВЕТРА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Д14

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с японского *Т. Соколовой-Делюсиной, Д. Рагозина*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Дадзай, Осаму.

Д14 Записки осеннего ветра : [сборник] / Осаму Дадзай ; [перевод с японского Т. Соколовой-Делюсиной, Д. Рагозина]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 672 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-189592-1

Литературное творчество Дадзая Осаму не ограничивается лишь «Человеком недостойным» и «Закатным солнцем» и насчитывает свыше ста сорока рассказов, в которых в полной мере раскрывается талант автора. К его трагическому юмору, тонкой иронии и глубокому пониманию человеческой души добавляются еще и изящные эксперименты с литературными стилями.

В данное издание вошли такие работы, как «Записки осеннего ветра», «Чайка», «Повести из разных провинций в новой интерпретации», «Ящик Пандоры» и другие. Все рассказы представлены в переводах известных японистов Татьяны Соколовой-Делюсиной и Дмитрия Рагозина.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© Перевод. Т. Соколова-Делюсина, 2025
© Перевод. Д. Рагозин, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ФОНАРЬ

Люди все меньше и меньше мне верят. Все, с кем я встречаюсь, абсолютно все, меня побаиваются. Даже когда я захожу к кому-нибудь, ну, просто потому, что соскучилась и захотелось пови-даться, меня встречают с таким видом, будто хотят сказать: ну, и зачем ты, собственно, сюда явилась?

Мне вообще уже не хочется никуда выходить. Даже в бани, которые находятся неподалеку от дома, я стараюсь ходить попозже, когда начинает темнеть. Не хочу, чтобы меня видели. Летом, когда мое юката белело в вечернем сумраке и казалось, что оно всем бросается в глаза, я все равно пугалась, и было до смерти неловко. Но в последние дни стало заметно прохладнее — скоро можно будет носить одежду из саржи, и я сразу же переоденусь в темное нижнее хитое. В нем проведу осень, зиму, весну, а потом снова придет лето и опять придется носить светлое юката... Это просто ужасно. Так хочется, чтобы в следующем году, летом, можно было бы надеть юката с цветами «утренний лик», немного прихорошиться и бродить в праздничной толпе, ничего не страшась. Когда

я думаю об этом, у меня начинает сильнее биться сердце.

Я воровка. Это неоспоримый факт. Я не считаю, что поступила хорошо. Однако... Нет, лучше расскажу все с самого начала. Расскажу, обращаясь к Богу. Людям я не доверяю. Но кто хочет верить, пусть верит.

Я дочь бедного торговца гэта, причем дочь единственная. Вчера вечером, когда я сидела в кухне и резала лук, с лужайки за домом донесся плачущий детский голосок, который ласково звал: «Сестрица!» Перестав резать лук, я задумалась. Будь у меня младший братик или сестренка, которые с такой любовью зывали бы ко мне, я бы не чувствовала себя такой одинокой. Тут, наверное, от лука, из глаз моих полились слезы, я стала вытирать их тыльной стороной руки, но запах лука резал глаза, слезы лились и лились, я просто не знала, что делать.

«Представляете, эта взбалмошная девица в конце концов потеряла рассудок от любви» — этот слух, пущенный парикмахершей, распространился по городу в конце весны, вскоре после того, как отцвела сакура и по праздничным дням в вечерних лавках стали выставлять гвоздики и ирисы. Для меня это было прекрасное, радостное время. Мидзуно-сан вечерами заходил за мной, и я заранее, едва начинало смеркаться, принаряжалась, прихорашивалась и то и дело выходила к воротам, поджидая его. Это не укрылось от соседей: указывая на меня пальцами, они потихоньку перешептывались и пересмеивались, мол, эта Сакико из лавки гэта совсем потеряла рассудок от любви... Но сама

я поняла это значительно позже. Отец и мать смутно догадывались, но ничего не говорили. В этом году мне будет двадцать четыре, а меня до сих пор не выдали замуж и не взяли зятя в дом, и не только из-за нашей бедности. Трудности с вступлением в брак возникли еще и по другой причине: дело в том, что моя мать была наложницей очень влиятельного в здешних местах помещика, но потом сговорилась с моим отцом и сбежала к нему, выказав таким образом неблагодарность по отношению к этому помещику. Вскоре родилась я, причем я не была похожа ни на помещика, ни на отца, может быть, поэтому у меня был весьма узкий круг общения, одно время я вообще чувствовала себя отщепенкой. Правда, не исключено, что с такой внешностью было бы трудно вступить в брак, даже если бы я родилась в богатой и преуспевающей семье. Но я не сержусь на отца. И на мать не сержусь. Я родная дочь своего отца. Я в этом уверена, кто бы что ни говорил по этому поводу. Родители обо мне очень заботятся. И я делаю для них все, что могу. И отец, и мать люди робкие и малодушные. Они робеют и чувствуют себя неловко даже передо мной, своей родной дочерью. Я считаю, что с такими робкими и запуганными людьми следует обращаться особенно ласково и предупредительно. Ради своих родителей я готова переносить любые мучения и горести. Но после того как я познакомилась с Мидзуно, стала понемногу отлынивать от исполнения дочернего долга.

Даже говорить об этом стыдно. Мидзуно-сан моложе меня на целых пять лет, он студент торго-

вого училища. Но будьте ко мне снисходительны. Как вышло, так вышло. Я познакомилась с ним в клинике неподалеку от нашего дома, куда пришла на прием к офтальмологу — у меня что-то случилось с левым глазом. Надо сказать, что я из тех женщин, которые способны влюбляться с первого взгляда. У него был очень трогательный вид: с такой же, как у меня, повязкой на левом глазу, он сидел, недовольно хмурясь, и листал небольшой словарь. Я тоже была в подавленном настроении из-за этой повязки и уныло поглядывала в окно приемной, пытаюсь любоваться опущенным молодой листвой деревом сии, но сквозь муть, окутывавшую дерево, пробивались лишь случайные вспышки зелени, мир за окном представлялся далекой сказочной страной, лицо же Мидзуно поразило меня какой-то неземной красотой и благородством... Скорее всего, на меня подействовала магия повязки.

Мидзуно сирота. Рядом нет никого, кто обращался бы с ним по-родственному. Когда-то его семья занималась оптовой торговлей лекарственными препаратами, но мать умерла, когда он был еще младенцем, а отец умер, едва ему исполнилось двенадцать, в результате семья распалась: двоих старших братьев и старшую сестру забрали дальние родственники, а самого младшего, Мидзуно, принял в свою семью главный приказчик торговой лавки. Потом его отдали в торговое училище, где он сейчас и учится, но при всем при том он, видимо, влачит довольно жалкое существование, чувствуя себя стесненным буквально во всем, по крайней мере, он чистосердечно признавался мне, что

единственная радость для него — наши совместные прогулки. Скорее всего, он испытывает нужду в самых простых вещах. Как-то этим летом он сказал мне, что договорился с друзьями ехать на море купаться, но не похоже было, чтобы его это радовало, скорее наоборот. В тот вечер я и совершила кражу. Украла мужские купальные трусы.

Я решительно вошла в «Даймару», самый большой магазин в нашем городе, сделала вид, будто рассматриваю летние женские платья, а сама незаметно стянула лежавшие сзади черные купальные трусы и, сунув их подмышку, спокойно вышла на улицу, но едва я прошла пару кварталов, как услышала позади крик: «Эй, стой!» Я едва не заорала во все горло от страха и опрометью бросилась бежать. За спиной громко закричали: «Воровка!» — потом кто-то резко ударил меня по плечу, пошатнувшись, я обернулась и тут же получила пощечину.

Меня отвели в полицейский пункт. Перед ним толпились люди. Всех я знала в лицо. Я еще подумала, какой жалкий, должно быть, у меня вид: волосы растрепались, из-под подола видны коленки.

Полицейский усадил меня в крохотной комнатенке с полом, покрытым татами, и стал задавать вопросы. Отвратительный тип лет двадцати семи, светлокожий, с тонкими чертами лица, в очках с золотой оправой. Он, как положено, записал в тетрадь мое имя, адрес и возраст, а потом вдруг ухмыльнулся и спросил:

— Ну, и в который это раз?

Я похолодела от ужаса. Не могла ничего ответить. «Если и дальше буду так мяться, — подума-

ла я, — то навлеку на себя обвинение в тяжком преступлении и меня посадят в тюрьму. Надо попытаться как-то оправдаться...» Я стала изо всех сил подыскивать объяснения, но ничего не могла сообразить, не понимала, какие лучше приводить доводы, и пребывала в полной растерянности — никогда еще мне не было так страшно. Все слова, которые приходили в голову и которые я выкрикивала, казались случайными и неуместными, но стоило начать говорить — уже не могла остановиться, словно в меня вселилась какая-то нечистая сила. Наверняка меня сочли полоумной.

— Нельзя меня сажать в тюрьму. Я ни в чем не виновата. Мне скоро будет двадцать четыре. Все эти двадцать четыре года я была почтительной дочерью. Усердно, усердно прислуживала и отцу, и матери. В чем я виновата? Никто про меня и слова дурного не скажет. А Мидзуно-сан прекрасный человек. Его ждет прекрасное будущее. Я это знаю. Я не могла допустить, чтобы он чувствовал себя неловко. Он договорился с друзьями ехать на море. Я хотела помочь ему подготовиться, как положено. Что тут плохого? Да, я дура. Но все равно постараюсь сделать все, чтобы он прекрасно выглядел. Он ведь благородного происхождения. Не то что другие. Все равно, что будет со мной. Только бы он преуспел в жизни, этого мне довольно. У меня есть работа. Меня нельзя сажать в тюрьму. До сих пор я не делала ничего плохого. Или я не пеклась денно и нощно о своих бедных родителях? Нет, нет, меня нельзя сажать в тюрьму. Для этого нет никаких причин. Все двадцать четыре

года я трудилась, не жалея сил, нельзя же из-за одного неверного движения разом перечеркнуть все эти годы или, вернее сказать, всю мою жизнь? Это неправильно. Это просто невообразимо. Единственный раз я случайно протянула руку туда, куда не следовало, но это ведь не значит, что я нечиста на руку? Это слишком. Слишком. Минутный порыв, не более. Я еще молода. У меня вся жизнь впереди. Я буду жить, как жила до сих пор, не жалуясь на крайнюю бедность. Ничего другого мне не остается. Во мне ничто не изменилось. Я та же самая Сакико, какой была вчера. Неужели я нанесла такой урон хозяину «Даймару», позаимствовав одну пару трусов? Ведь некоторые обманом присваивают себе тысячу, даже две тысячи иен, другие растрачивают состояние целой семьи, а их все равно превозносят до небес, разве не так? Для кого предназначены тюрьмы? Ведь там сидят только те, у кого нет денег. Даже грабители вызывают у меня сочувствие. Они наверняка честные люди, просто слишком слабые и не могут никого обманывать. Не имея дурной привычки обманывать людей и жить припеваючи, они, оказавшись в жизненном тупике, имеют глупость украсть две или три иены, после чего попадают в тюрьму и сидят там около недели. Ха-ха-ха. Все это просто смешно, смешно и ужасно глупо.

Не иначе я действительно была не в своем уме. Вне всякого сомнения. Полицейский не сводил с меня глаз, лицо у него было бледным. И я вдруг поняла, что он мне нравится. Я даже заставила себя улыбнуться сквозь слезы. Судя по всему, меня

сочли психически больной. Полицейский очень бережно и предупредительно отвел меня в полицейский участок. Ту ночь я провела в камере, а утром за мной пришел отец и забрал домой. По дороге он тихонько спросил, не били ли меня, и больше не проронил ни слова.

Читая в тот день вечернюю газету, я покраснела до ушей. Там было написано обо мне. Заметке был предпослан заголовок: «И у магазинной воровки могут быть веские причины. Девушка-извращенка из левых разразилась потоком слов». Мало того, у нашего дома стали слоняться живущие по соседству люди. Сначала я не понимала почему, но потом, к своему ужасу, сообразила, что они приходят посмотреть на меня. Тут до меня наконец дошло, сколь значительным событием оказался для многих этот случайный эпизод из моей жизни, и если бы у нас дома был яд, я бы тут же с удовольствием его выпила, а будь где-нибудь рядом бамбуковая роща, пошла бы туда и повесилась. В течение двух-трех дней наша лавка была закрыта. Вскоре от Мидзуно пришло письмо.

«Сакико, вам я верю больше, чем кому бы то ни было на свете. Но вам недостает образованности. Вы честная девушка, но живете в довольно-таки неблагоприятной среде. Я в меру сил своих пытался сделать ее более благоприятной, но это невозможно.

Человек должен стремиться к знаниям. На днях мы ездили с друзьями на море купаться и на пляже долго спорили — правомерно ли желание достичь успеха? Нас всех, скорее всего, ждет прекрасное

будущее. Вы же должны стараться вести себя благоразумно, искупить все прегрешения, даже самые незначительные, и покаяться перед миром, — люди, в нем живущие, питают отвращение к дурным поступкам, а не к тому, кто их совершил.

Мидзуно Сабуро (Просьба после прочтения обязательно сжечь. Вместе с конвертом. Обязательно.)»

Таков полный текст этого письма. Я ведь совсем забыла, что Мидзуно вырос в богатой семье.

Целыми днями я сидела дома как на иголках, но вот наконец стало прохладнее. Сегодня вечером отец сказал:

— Эта электрическая лампочка такая тусклая, прямо тоска берет, — и заменил лампочку в гостиной на пятидесятисвечовую.

И мы втроем ужинали под яркой лампочкой. Мама очень веселилась, заслоняла глаза рукой с зажатыми в ней палочками и говорила:

— Ой, ой, как спит...

А я подливала отцу сакэ. «Да, для нашей семьи замена лампочки в комнате — уже счастье», — втихомолку говорила я себе, но при этом не падала духом. Наоборот, наш дом, освещенный этой скромной лампочкой, стал казаться мне красивым вращающимся фонарем, и тихая радость наполнила душу, радость, которой хотелось поделиться даже со стрекочущими в саду сверчками, — подглядывайте, сколько хотите, у нас прекрасная семья!

О ЛЮБВИ И КРАСОТЕ

В семье пятеро братьев и сестер, и все они увлекаются любовными романами.

Старшему брату двадцать девять лет. Он юрист. У него дурная привычка держаться со всеми несколько высокомерно, но это что-то вроде маски, прикрывающей его душевную слабость, ибо на самом деле он человек мягкий и очень добрый. Обычно, сходяв с младшими в кино, он говорит: «Вот уж дурацкий фильм, просто никуда не годится!» — хотя именно сам первый и плакал, растроганный проявлениями самурайской верности. Так бывает всегда.

Выйдя из кинотеатра, он всю дорогу домой молчит, поглядывая на всех свысока, вид у него при этом раздраженный и недовольный. «Никогда в жизни я не лгал», — часто во всеуслышание заявляет он, ничуть при этом не смущаясь. Ну, в этом можно было бы и усомниться, но человек он честный и твердых убеждений — уж точно. Особых успехов в учебе он не имел. После окончания университета на службу определяться не стал и теперь строго следит за порядком в семье. Особым пред-

метом его изучения является Ибсен. Недавно он еще раз перечитал «Кукольный дом» и сделал важное открытие, повергшее его в сильнейшее волнение. Оказывается, Нора в то время была влюблена. Она любила врача Ранка. Это и было его открытием. Он собрал младших братьев и сестер и, указав им на это обстоятельство, постарался растолковать свои соображения, говоря громко и резко, но все усилия его были напрасны. Собравшиеся только пожимали плечами — ну, кто знает, что там было на самом деле, — посмеивались и никакого интереса не выказывали. Вообще говоря, они несколько свысока смотрят на старшего брата. Создается впечатление, что они ни во что его не ставят.

Старшей сестре двадцать шесть. Она все еще не замужем, служит в управлении железных дорог. Довольно хорошо знает французский. Рост у нее пять сяку и три суна. Очень худая. Младшие иногда зовут ее кобылой. Она коротко стрижет волосы и носит круглые очки в роговой оправе. Очень добродушная, легко обзаводится друзьями, которым всегда готова услужить и которые быстро ее бросают. Так уж она устроена. Ей доставляет тайное наслаждение ощущение тоски и одиночества. Однако как-то раз она увлеклась до беспамятства одним молодым чиновником, который служил в том же отделе, что и она, и когда он, как заведено, ее бросил, она по-настоящему пала духом, а поскольку дела ее в то время вообще складывались не лучшим образом, она выдумала, что у нее плохо с легкими, целую неделю пролежала в постели, после чего с повязкой на шее, вызывая кашля, от-

правилась к врачу, который, подвергнув ее тщательному рентгеновскому обследованию, сообщил, что у нее на редкость здоровые легкие. Она прекрасно разбирается в литературе. И действительно много читает. Причем читает книги не только японских, но и иностранных авторов. А находясь в состоянии особого душевного подъема, тайком начинает сочинять что-то сама. Написанное прячет в правый ящик книжного шкафа. На стопке ее творений лежит бумажка с надписью «Опубликовать через два года после моей смерти». Иногда эти «два года» она меняет на «десять лет» или же на «два месяца», а иногда даже на «сто лет».

Среднему брату двадцать четыре года. Он самый простой обыватель. Числится на медицинском факультете Императорского университета. Но на занятия почти не ходит. Здоровье у него слабое. Он-то действительно часто болеет. На удивление хорош собой. Скупердяй. Однажды, когда старший брат купил, добившись скидки в пятьдесят иен, ничем не примечательную старую ракетку, которую ему всучили как якобы принадлежавшую Монте-ню, и страшно этим гордился, средний так разозлился, что у него резко поднялась температура и начались нелады с почками. К людям, ко всем без исключения, он относится с презрением. Кто бы что ни сказал, он всегда исторгает из себя что-то вроде кхеканья, какой-то странный пренеприятный смешок, похожий на смех лесного демона тэнгу. Судя по всему, он является ярым приверженцем Гёте. При этом чистая и наивная поэ-

зия Гёте его не так уж и привлекает, скорее он благоговееет перед ним как перед чиновником высокого ранга. Боюсь, что не без этого. Вообще он со странностями. Но когда все, собравшись, начинают экспромтом сочинять стихи, он всегда побеждает. Этой способности у него не отнимешь. При том что он простой обыватель, ему доступно, так сказать, объективное восприятие человеческих страстей. Если бы он целиком посвятил себя этому, то уж второразрядным писателем, скорее всего, сумел бы стать. В него до смерти влюблена прислуживающая в доме семнадцатилетняя горничная, у которой больные ноги.

Средней сестре двадцать один год. Она нарцисс. Когда одна газета объявила конкурс на звание «Мисс Япония», она три ночи промаялась, размышляя: а не выставить ли свою кандидатуру. Ей нравится быть на виду. Но, промаявшись три ночи, она сообразила, что маловата ростом, и отказалась от этой мысли. Она действительно самая малорослая из сестер. Всего четыре сяку и семь сунов. Но непривлекательной ее не назовешь. Отнюдь. Иногда ночью она голышом становится перед зеркалом, соблазнительно улыбается, потом, обтерев полные белые ноги одеколоном с люфой и тихонько перецеловав все пальцы, восхищенно закрывает глаза. А как-то раз, когда у нее вскочил крошечный прыщик на кончике носа, она так горевала, что готова была покончить с собой. Выбор книг для чтения у нее тоже довольно своеобразный. В букинистических магазинах она выиски-